

У нас в гостях - европейские социологи

Анализ проблем трансформации и модернизации общественных систем ряда стран Восточной Европы, начатый журналом в №№ 5-7, в данном номере продолжают социологи Франции, Германии и Швейцарии.

© 2002 г.

Д. МАРТЭН

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ УРОКИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МАРТЭН Доминик - профессор университета Ренн-II, руководитель центра Лаборатории социологии создания институтов (Париж).

Одна из ключевых проблем трансформации в Центральной и Восточной Европе - предоставление свободы формированию бизнеса. Ниже я анализирую, прежде всего, небывалое развитие новых организаций, вызванное к жизни процессом приватизации. Но это развитие тесно связано с выработкой новых форм средств контроля новых акционеров над менеджментом компаний, как отмечает концепция "корпоративного управления". В этом плане нет уверенности, что формирование капитализма в Восточной Европе следовало канонам англосаксонской теории прав собственности. С другой стороны, первая оценка эффекта прямых иностранных инвестиций показала, что, в целом, покупки или приобретение прав западными инвесторами весьма динамизировали экономическое возрождение и в попытке стран выйти на устойчивое развитие.

Зная все это, можно задать вопрос о вновь обретенной компаниями (предприятиями) автономии: ведет ли она к устойчивому развитию и не становятся ли компании в Восточной Европе из-за массивных вливаний иностранного капитала все более зависимы от Западной Европы? Мы видим, что социальная цена модернизации далеко не не важный момент. Восточная Европа, избавившись от дефицитов системы социализма, открыла для себя болезненную реальность безработицы и социальной эксклюзии.

Рационализация и реструктуризация: разрыв с социалистическим предприятием

Ликвидация контроля над ценами и первые планы приватизации были нацелены на разрыв с социалистическим типом компаний. Действительно, ряд громадных целей стоял в первые годы перехода. Было нужно вернуть компаниям автономию, конфи-

скованную прежней политической системой, поставившей их под надзор министерств и под контроль партии [23]. Требовалось также начать масштабную модернизацию. В Польше примерно в 1989 г. Солидарность потребовала срочной модернизации производственного оборудования, подчеркивая "отсталый" контекст экономики [36]. Чешской Республике также было необходимо догонять послевоенные стандарты производства [23]. Чтобы добиться этого, освободившимся компаниям потребовались серьезные усилия по реструктуризации, чему вначале мешал мертвый груз устаревших, едва ли конкурентоспособных секторов промышленности. Поэтому первые приватизированные компании занялись - с подачи западных спасателей - налаживанием производства: пересмотр организационных структур, реориентация политики производства, обновление технологического оборудования, реорганизация целых секторов производства в целях завоевания новых рынков [13]. Требовалось также постепенно менять привычки, наследованные от прежнего режима. А это не могло не вести к конфликтам и фрустрации среди рабочих.

Главная проблема здесь такова: действительно ли трансформация постепенно приближает приватизированные предприятия к той модернизации, которую прошли западноевропейские компании с 1930-х годов? С одной стороны, налицо те же ингредиенты: конец фордизма на западе породил пересмотр стандартов производства и оплаты труда. Требовался технологический прогресс, чтобы сохранить конкурентоспособность, получить новые рынки в конкурентной среде, подверженной ограничениям глобализации, экономить на всем в условиях замедления роста, особенно на рабочей силе, проводя линию на повышение качества путем установления общих стандартов; активнее использовать качественную и количественную гибкость; улучшать отбор рабочей силы на основе новых критериев рыночности; распространять "корпоративную культуру", развивая лояльность небольшой группы - ядра предприятий и т.п.

Все эти меры постепенно проводятся в Восточной и Центральной Европе. Но три важных различия не позволяют вести речь о реальном сближении. С одной стороны, в Восточной Европе отсутствие прежней капиталистической среды часто ведет к политике "табула раза": многие бесприбыльные компании исчезают, происходят важные подвижки рабочей силы из-за вакансий, создаваемых появлением новых предприятий (особенно малых предприятий и промыслов в секторе малой приватизации). С другой стороны, новой реальностью стало появление иностранного капитала и приобретение целых частей отраслей западными менеджерами (это наиболее типично в бывшей ГДР - настоящая "колонизация" с запада). Наконец, следует учитывать наследие социализма. Здесь можно говорить о сложной динамике прерыва-преемственности-появления-нового [42]. Прежде всего, дестабилизация среды наемных работников социалистического типа привела к их сильному сопротивлению. Сохраняется культурная преемственность: многие менеджеры предпочитают действовать осторожно, особенно в вопросах занятости, подчиняясь давлению местных властей. Одновременно возникают весьма неожиданные формы социальных действий: прежде всего сопротивление рабочих новым стандартам, вводимым при имитации стандартов западных компаний, и социальные конфликты, связанные с приватизацией. Отмечу также появление новых акторов, трансформацию идентичностей и поиск новых социальных компромиссов. В целом, несмотря на такие весьма жесткие конфликты, актор-менеджер одерживает верх.

Во многих случаях перестройка вызвала культурный шок у персонала бывших компаний, выразившийся в серьезном столкновении логики менеджеров с капиталистической рациональностью, а еще больше - с социальной логикой рабочих [45]. Внезапный приход рынка в цех влечет за собой интенсификацию труда, возврат к жесткому тейлоризму, ухудшение условий найма, авторитарную реакцию боссов-руководителей, появление новой логики мобилизации рабочих по поводу стандартов качества. В общем, происходит интенсификация господства работодателя путем интенсификации контроля за рабочими и антипрофсоюзной политики. В Польше эта

перемена, в частности, привела к быстрому изгнанию бывших акторов самоуправления. В других случаях в компаниях, остающихся под контролем государства или национальных акционеров, заметна консервативная реакция. В Чешской республике и Словакии предприниматели сами отказывались идти в реальную рыночную экономику. Их рефлексы прежнего патернализма под защитным зонтом государства заметно задержали необходимую реорганизацию предприятий.

Важны и стратегии акторов на поле микро-экономики. В этом отношении исследователи показали множество форм реструктуризации [26]. В некоторых случаях реструктуризация была "пассивной", особенно когда менеджеры продолжали сопротивляться по привычке планам, навязываемым сверху руководством страны.

Трансформация социальной системы компаний

Модернизация компаний не сводится просто к экономическому процессу приватизации. Усилия иностранного капитала по реструктурированию многие экономисты, особенно приверженцы "корпоративного управления", рассматривали как волшебную палочку. Жесткая теория прав собственности акцент в основном делает на максимизацию прибыли и на контроль агента за первым лицом. Однако реальность сложнее: в большинстве случаев доминирует инициатива менеджеров. Кроме того, трансформация собственности не решает основной проблемы социального регулирования на производстве, то есть вклад акторов в качество трудовых операций. Не решает она и проблему большей или меньшей сплоченности акторов или проблему форм перераспределения усилий коллектива, и в более общем плане — проблему воздействия социальной реорганизации на экономические результаты. Нынешняя модернизация компаний в Восточной и Центральной Европе также поставила вопрос о "социальной системе личных связей". Это вопрос качества индивидуальных и коллективных акторов компаний, о создаваемых ими (актерами) конфликтах, поскольку социология организаций очень хорошо показала, что организационная реальность всегда "строится социально" [5]: акторы должны вырабатывать собственные способы кооперации, тонкие стратегии идентичности [12, 39] и подходить к решению возникающих проблем в соответствии с ресурсами своей культуры [2, 36].

Вне более или менее безличных управленческих элит, использование понятия актер, как подметил эмпирически ориентированный исследователь [36], позволяет понять, кто участвует в инициативах, в реализации экономических и социальных целей, у кого достаточно ресурсов, чтобы отвергнуть или даже заблокировать решения менеджеров или цели, преследуемые на промежуточном уровне или уровне цеха. Картина польских компаний, нарисованная Панковым, показывает, что модернизация влечет за собой ряд конфигураций акторов, задействованных в переменах. Отдельные акторы появляются на сцене и исчезают с нее в соответствии с ситуацией. Независимо от статуса собственника: весьма сильные профсоюзы Польши или яростно противятся планам реструктуризации, или благосклонно их поддерживают, тем самым содействуя, - следует признать - "коалициям консерваторов". Почти везде бывшие акторы самоуправления и заводские комитеты исчезают во благо неделимой власти менеджеров. Далеко не однозначные модели действий в среде акторов позволяют выделить три формы урегулирования: моноцентричная модель, модель на основе коалиции и полицентричная модель модернизационной трансформации.

Вариантов идентичности акторов было довольно много: значительная часть рабочего класса и неквалифицированные рабочие или влились в категорию безработных, или вели свою жизнь рабочих под угрозой безработицы. Их бывшие общностные солидарности рассыпались на части. Появились новые акторы - более мобильные, знающие, как побеждать в любой ситуации (как и те, кто, сохраняя работу в государственной компании, работал и на малой частной фирме). Среди них немало управленцев среднего звена. Полевые исследования [1, 25, 36] ставят проблему пропасти между "выигравшими" и "проигравшими" от модернизации, то есть тех, кто уже испытывают

или вскоре будут испытывать тоску по прежнему режиму. Здесь немало сходств с типажам, наблюдаемыми последние двадцать лет в западных модернизирующихся компаниях [39]. Там модернизация часто проходила по модели двойной компании. То есть, социо-экономические трансформации проходят принудительным порядком, раскалывая и подчиняя себе акторов ценой жестких конфликтов и явного раскола общественных классов. В других случаях преобладает модель "кризисной" компании, демонстрируя противоположность между возвратом к логике тейлоризма и профессиональной логикой, а также споры и конфликты по поводу сохранения льгот. Напротив, логика "модернизирующейся" компании проявляется в преобладании договорной модернизации и компромиссов между автономией (работники) и контролем (менеджеры). Наконец, в некоторых случаях [36] управление модернизируемой компанией выглядит скорее как "общественное" управление, когда каждый может стать признанным актором и участвовать в определении социо-экономических целей.

Модель развития

Позволяет ли вновь обретенная компанией автономия считать, что достигнуто устойчивое развитие? Или, напротив, помогает ли автономия транснациональным компаниям играть в игры грабительского капитализма, стремящимся присваивать национальное богатство, захватывать самые прибыльные компании?

Наблюдателю изнутри покажется, что вызванный либерально-экономическим реструктурированием шок усиливает зависимость [45], умножает ограничения и приносит социальные цели в жертву требованию быстрого роста производительности и надежной прибыли на инвестированный капитал. Рационализация достигается, прежде всего, за счет бывшей рабочей солидарности, конфронтации с профсоюзами (они на многих малых и средних фирмах исчезают). Результат рационализации - институциональный трансферт японского типа менеджмента, усиливающий контроль в цехах и часто ухудшающий условия найма. Тейлоризм не только не исчез, но, кажется, возрождается. И даже если кто-то думает, что ритм труда при прежней системе был низок, хронометраж теперь используется, но нередко в целях мести боссов-управленцев рядовым работникам, опять ставшим апатичными, лишенными мотивации.

Ситуация не очень отличается от эволюции, пройденной многими промышленными компаниями на Западе. Требование гибкости здесь также сделало труд еще более напряженным: не стало часовых графиков и договоров о регулировании численности работников, появились формы нестабильной занятости. Более того, индустриализация порождает проблему. Иностранным компаниям достаточно часто выгодно просто переместить в страну сборочные линии, формы организации, в некоторых случаях и срок существования которых прямо зависит от головной компании. Выбор мест размещения производств (часто отдельно от трудоизбыточных зон) рождает феномен внутренней экономической колонизации. Со стороны есть риск видеть рост подчинения иностранными инвесторами национальных государств. Венгерская трансформация показывает, что ключевые секторы больше не зависят от государства или местных инвесторов [5]; по последним данным, иностранные инвесторы реализуют до 70% экспорта страны. Кроме того, иностранные инвесторы требуют для себя весьма благоприятных условий, включая даже контроль за налогом на импорт как средство защиты от конкурентов.

Трудное становление конкурентоспособного капитализма

Один из первых уроков трансформации системы в Восточной Европе - подчеркивать трудности рождения капитализма. Инициаторы разрыва с экономической системой социализма обманывали себя по поводу почти механической природы перехода к рыночной экономике. Они недооценивали нежелательные (хотя и необходимые)

последствия мер по макроэкономической стабилизации, недостаточно консолидированных в ходе структурных реформ. Они также не могли или не хотели понять, что новые акторы в сфере микроэкономики будут создавать сильное сопротивление, часто наследуемое из практик прежнего режима или просто вытекающее из рациональной защитной адаптации к жесткому контексту и радикальным переменам правил игры. Кроме того, правительства, боровшиеся против общественного мнения, бессильного перед шоком трансформационной рецессии или резко отрицательно отнесшегося к возврату классических механизмов капитализма, при проведении реформ стремились выиграть время, о чем говорят дебаты вокруг вопроса о выборе между шоковой терапией и более постепенными переменами.

Первые оценки (особенно Сгард [41]) подчеркивали непонимание правил капиталистической системы: разрыв с социалистической системой часто вел к "неспокойной экономике", где преобладали инерция и коррупция и где коалиции консерваторов пытались в специфических ситуациях продолжать пользоваться финансовыми преимуществами и откладывали необходимые меры по реорганизации, в то время как главные структурные реформы (восстановление правил рынка, уважение прав собственности, эффективная реорганизация банковско-финансовой системы) наталкивались на ожесточенное сопротивление. Б. Шаван ратовал за возврат к веберовскому анализу, чтобы показать, что страны Восточной Европы не избежали возврата к некоему "дикому капитализму", основанному на "необузданной жажде денег". Это - черта начала внедрения капитализма в Западной Европе и причина скорее спекулятивного и ориентированного на краткосрочную выгоду поведения, нежели уважения базовых правил. Среди этих отвергнутых правил введение расчета прибылей, уважение прав собственности, эффективный контроль акционеров над менеджерами, введение государством механизмов конкуренции, строгое разграничение общественных и частных дел, климат рационального менеджмента, способствующий росту производительности, адаптация к рыночным ограничителям (особенно путем быстрых реорганизаций) и поиск устойчивого развития путем финансирования важных инвестиций в производство.

Обозначенный выше анализ подчеркивает наличие двух моделей перехода: модель "либеральная под контролем государства", характерная для ведущих стран Центрально-Восточной Европы, и модель "деинституционализированного перехода", явно присутствующая в некоторых южных странах и России. Первая модель основана на совместных действиях государства и микро-экономических агентов. Она построена на парадоксе: переход будет успешным, только если создать экономику децентрализованной конкуренции путем - преимущественно — централизованных процессов (в данном случае либеральная политика государства с необходимостью исключена).

Изучение процессов перехода в Восточной Европе показало, что перейти к рыночной экономике можно не в результате планируемой из центра государственной акции, или само-конституирования, а путем длительного опыта, обучения социальных акторов, ценой череды конфронтаций, что предполагает отказ государства от привычек авторитарной экономики, как и отказ акторов от оборонительной адаптивности на микроуровне. Реструктурирование банков в Польше, например, отражает колебания государства в вопросе правильной стратегии. Вначале, в 1989 г., государство пыталось контролировать банки путем жестких ограничений кредитов (лимитирование кредитов через процентную ставку, запреты займов неплатежеспособным компаниям, систематический контроль кредитных линий). Во второй фазе, 1992 г., государство поняло, что нужно децентрализовать банковский сектор и наращивать рекапитализацию банков, чтобы стабилизировать их и побудить к прямым переговорам с фирмами о восстановительных пакетах. Анализ типов микроэкономического поведения также показал недостаточность этих усилий. Эндемичная слабость банков по сравнению с компаниями, игра в кошки-мышки, груз поведения, унаследованного от прежнего режима, эффективность внутрифирменных сетей в среде бывших лидеров, - часто содействовали использованию коррупционных способов откупа от банков. И эти

действия частично поощрялись стремлением государства сохранить социальное равновесие и избежать цепи банковских банкротств. Главной проблемой постсоциалистических экономик Центрально-Восточной Европы все еще остается создание стабильных институтов и динамичных агентов, уважающих правила рыночной экономики.

"Эволюционная" трансформация против "стандартной" теории перехода

Нужно ли продолжать вести речь о переходе? Предполагает ли переход предсказуемую и целесообразную цепь событий, ведущих к рыночной экономике западного типа, связанных с отрывом от тоталитаризма и с заменой эгалитарного общества обществом меритократии? Или речь идет о Востоке, "догоняющем" Запад, как цели ликвидации общества социалистического типа? Большинство авторов, социологи и экономисты, сегодня согласны, что во многих отношениях понятие "переход" ошибочно. Они выступают за его замену более широким и неопределенным подходом типа "комплексная трансформация", открытая множеству путей и сроков [1,9, 11].

То есть споры экономистов помогли отвергнуть некоторые каноны неоклассической экономики, высветив два взгляда на перемены экономической системы Восточной Европы [11, 34,43]. С одной стороны, они похожи на рациональную перспективу перехода к рыночной экономике, изложенной в "стандартной" теории. С другой, - они акцентируют анализ, в центре которого понятие неопределенности, шансов, новизны, акценты на "эволюционный" и комплексный аспект трансформации. Причины использования эволюционной теории - результат ряда моментов, недооцененных стандартной теорией. Среди них выделим, прежде всего, крайнюю новизну опыта для народа каждой страны и их историческое наследие.

В "стандартной" концепции актор как индивид реагирует рационально на свое окружение, пытается оптимизировать решения. Его рациональность - сущностного типа. Полагаясь на действие конкурентных рынков и их "незримую руку", государство ограничивает свои действия созданием условий для нормального функционирования экономики. Динамика перехода подчинена концепции целей, принятой некоторыми социологами модернизации - Т. Парсонс, Р. Арон. Предполагаемая цельность трансформации - копия западноевропейской модели, основанной на четырех базовых институтах, к которым ведет переход: рыночная экономика, процветающее общество, доступ к массовому потреблению, становление нового государства благоденствия. При такой модели экономика - автономная саморегулируемая система. Наследие прошлого считается иррациональным. Отклонения от намеченных целей рассматриваются просто как дисфункции по отношению к предполагаемой правильности неолиберальной политики.

Напротив, "эволюционная" концепция подчеркивает ограниченную рациональность актора по отношению к силам, которые он едва ли может контролировать. Актор не оптимизирует ничего, не останавливается, находя удовлетворительное решение. Рациональность здесь - процедурного типа, состоящая из дебатов и более или менее конфликтных разногласий. Координируют не только рынки, но и институциональный опыт. Результаты непредсказуемы, случайны, не подчиняются механизмам саморегуляции. Концепция природы и временной динамики трансформации совсем иная. Здесь присутствует "зависимость от пути", то есть от линии исторической траектории каждой страны и от неопределенности любой конструируемой социальной модели. Акторы здесь менее стремятся реализовать теоретический план абстрактного капитализма, чем пытаются адаптироваться к болезненным ситуациям в зависимости от своих когнитивных ресурсов. В этой схеме экономика считается "встроенной" в социо-исторические системы [16]. Трансформация предстает более открытой, даже хаотичной, чем в стандартной концепции. Представляется, что концепция "эволюционной" трансформации лучше выражает сложности опыта отрыва от социалистической системы.

Обращение к концепции "творческого разрушения" Шумпетера позволяет, кроме того, показать важность темпоральных разрывов и конфликтов при управлении трансформацией [11]. Если верно, что система капитализма движима некоей подземной "революцией" ее экономической структуры, изучение постсоциалистического опыта показывает, что вариации исходных перемен по отношению к прежней системе почти неизбежны и не очень конфликтны. С другой стороны, разрушение и восстановление требуют несколько большего периода времени и связано с часто серьезными конфликтами.

То есть, творческое разрушение не работает механически: во времена смены правил игры увеличивается длительность и растет цена перемен. Необходимость сделать цену приемлемой для акторов требует более постепенной политики, открытой к неожиданностям.

Значение и вес прошлого в трансформации

Третий урок трансформации частично вытекает из формализма эволюционной теории. Это вес прошлого при конструировании перехода. У инициаторов радикальных реформ преобладает нормативный подход: необходимо разрушить все следы институтов, культур, поведения и действий акторов, унаследованные от эры коммунистов. Эта политика "табула раша" не соответствует ряду очевидных фактов. С одной стороны, просто экономические меры не искоренят поведение, коренящееся в прошлых обычаях. То есть повторное открытие экономистами институтов и их социальных, исторических корней ставит абстрактную концепцию перехода к капитализму под вопрос. Нельзя понять экономические практики, не учитывая лежащие в их основе институциональные системы. Как пишет Д. Норт [35], институты "это встроенные ограничители, структурирующие действия людей". О том же говорит анализ Ольсена, выделившего решающую роль формальных ограничителей (повседневных правил) и неформальных ограничений (стандарты поведения, договоренности и коды) в политике и подчеркивающего, что системы институтов всегда являются набором условных решений конкретных проблем. Так экономические институты всегда встроены в социальные компромиссы и никогда не могут быть сведены только к рыночной прибыли.

То есть многие авторы подчеркивают огромную живучесть систем институтов прошлого и их сопротивляемость переменам, как это делает и теория "зависимости от пути". У каждой страны свое наследие конфликтов между группами акторов и сильных коалиций, пытающихся в период перехода защищать свои интересы [1, 25] и вести политику по своим правилам. Некоторые авторы порой отмечают, что зависимость от пути уходит в досоциалистический период, все еще влияя на умы людей, примером чего могут быть требования возврата конфискованной собственности. Аналогично культурная привычка новых менеджеров многих государственных и частных предприятий (компаний) обходить правила, даже жульничать, позволяет понять экономическое поведение, стандартной теорией считающееся иррациональным. Зависимость от пути, наконец, касается и сходства экономических и политических условий в каждой стране при начале трансформации. Как отмечает Б. Шаван [8], Польша начала переход после политического компромисса, а в Венгрии, где экономическая система уже продвинулась к рыночной экономике, шло соперничество на выборах. В ГДР или Чешской Республике бывшая власть просто сдалась и ушла. Эти "траектории ухода" повлияли решительным образом на будущие экономические решения.

Изучение типов приватизации и производных от них форм собственности [9], в частности, иллюстрирует зависимость от пути: в каждой стране более или менее очевидно появляются "перепутанные" (tangled-up) формы собственности. Это наводит на мысль, что экономическая трансформация, отнюдь не следуя классическим канонам англосаксонской рыночной экономики, скорее создает новые смешанные конфигурации. Более того, часто очевидны скорее "реконфигурации и переделки существовавших ранее институциональных элементов" [8], чем возникшие из ничего творения. После распродажи акций разными операторами многие компании обрели, благо-

даря своему капиталу, разнородный характер: у них множество разных акционеров (работники, менеджеры, банки, институциональные инвесторы, государство). Граница между общественными и частными делами размыта. Часто практикуется перекрестная с банками собственность. Эти новые разнородные конфигурации возникают прямо из институционального наследия прежнего режима, в частности, из реактивации прежних сетей.

Формы собственности, соответственно, в этом плане различаются от страны к стране. Так в Чешской Республике массовая приватизация создала инвестиционные фонды, которые в итоге весьма содействовали возникновению запутанной собственности. В Польше же дуализм весьма развитого сектора малой приватизации и сохраненной за государством значимой части общественного сектора сопутствовал крупной программе передачи предприятий (компаний) в руки работников, что вело к заметно более позднему возникновению перепутанной собственности. Примерно о том же говорят пути и способы проведения или задержки реорганизаций по причине, например, стремления поддержать нестабильные компании. Или даже методы постепенной передачи систем социального обеспечения. Везде обращают на себя внимание влияние коммунистического прошлого и национальные различия, и повсюду преобладают "гибридные" решения, похожие скорее на "институциональные самоделки", чем трансформацию на основе строгого подражания странам Западной Европы.

Плюрализм капитализма впереди неопределенностей трансформации

В заключение подчеркну два момента, показывающие, что в итоге Восточная Центральная Европа, кажется, получит скорее модель смешанной [9], а не классической рыночной экономики. Большая часть менеджмента компаний поворачивается скорее к "корпоративной экономике", чем к строгой модели "корпоративного управления". Другими словами, преобладают формы перепутанной экономики с нечеткими очертаниями и менеджерским типом контроля. Акционеры фактически (поскольку они распылены, неопытны или просто равнодушны) предоставляют свободу рук менеджерам, действия которых не обязательно строго нацелены на максимизацию доходов, так как частью действий менеджеров под давлением работников стала социальная логика. Или потому что во многих случаях определяет вес человеческих личностей и коалиций интересов, которых они (личности) представляют. Кроме того, не заметно какой-либо связи между формой собственности и динамизмом экономики. В Польше, например, некоторые государственные компании занялись эффективными реорганизациями, а частные предпочли более защитную адаптацию.

Наконец, акцент ряда экономистов на множестве форм координации ставит под вопрос приоритет рынка как центральной институции [18]. Так в странах Центральной Восточной Европы переделка методов координации породила нечто большее, чем просто жесткое противопоставление социалистической (на базе главенства государства) и капиталистической систем (главенство рынка). Некоторые страны (Венгрия и в меньшей мере некоторые другие) создали то, что Шаван и Маньен (Magnin) назвали "реформированной социалистической системой" [9]. Изучение способов трансформации и координации нельзя свести к чистому переходу от государственного регулирования и рыночному. Фактически нужно учитывать множественность форм координации, чем в данном случае подтверждаются определенные выводы экономической социологии: рядом с рыночным регулированием всегда существует государственное регулирование вместе с иерархическим (в пределах компании), сетевыми и клановыми регуляторами.

Фактически в Центральной Восточной Европе идет сложная трансформация всех форм координации. Рынок в постсоциалистический период стремится стать механизмом регуляции, но по модели несовершенной конкуренции [19]. Государство явно потеряло всемогущую роль, но сохраняет важную власть ориентации и вмешательства. Регулирование через микроиерархии усиливает власть менеджеров, но патерналистское и

корпоративное наследие еще действует. Нельзя недооценивать и регулирующие механизмы разных сетей, о чем говорят коалиции прежде влиятельных лиц и процессы, стимулируемые становлением перепутанной собственности. Отметим, что и социологи, и экономисты согласны в том, что нет глобального единства системной трансформации. Хотя характер перемен заметно меняется от страны к стране, и вес институций, и их поведение, наследованные из прошлого, ставят Восточную Центральную Европу в центр все еще открытого поля эксперимента, где сосуществуют несколько вариантов современного капитализма.

(Перевод Н.В. РОМАНОВСКОГО)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Adamski W.* The structural legacy of socialism and the dynamics of postsocialism / *Adamski W., Buncak J., Machonin P., Martin D.* System change and modernization, IF i S Publishers, Varsovie, 1999.
2. *Alter N.* Sociologie de l'entreprise et de l'innovation. PUF, collection 1° cycle, P. 1996.
3. *Bafoil F.* Les dynamiques des changements sociaux: emploi, chômage et travail au noir / line nouvelle Europe centrale, CFDT, sous la direction de *M. Frybes*. La decouverte, P. 1998.
4. *Bafoil F.* Le post-communisme en Europe. Reperes, La decouverte. P. 1999.
5. *Bafoil F.* (sous la direction de). Chdmage et exclusion en Europe postcommuniste: Allemagne de l'Est, Pologne, L'Harmattan, Paris, 1999.
6. *Boudier-Bensebaa F.* La presence allemande dans les PECO / Les strategies allemandes en Europe Centrale et orientale, *F. Bafoil*, ed. 1997.
7. *Chavance B.* La fin des systemes socialistes: crise, reforme et transformation. P. L'Harmattan, coll. Pays de l'Est, 1994.
8. *Chavance B.* Le processus de transformation economique / Une nouvelle Europe centrale. CFDT, sous la direction de *M. Frybes*. La de'couverte, P. 1998.
9. *Chavance B., Magnin E.* L'emergence d'economies mixtes "dependantes du chemin" dans l'Europe Centrale post-socialiste / *Delorme R.* (sous la direction de). A l'Est du nouveau: changement institutionnel et transformations economiques. L'Harmattan, collection "Pays de l'Est", P. 1996.
10. *Crazier M., Friedberg E.* L'acteur et le systeme, P. Seuil, 1977.
11. *Delorme R.* (sous la direction de). A l'Est du nouveau: changement institutionnel et transformations economiques. L'Harmattan, collection "Pays de l'Est", Paris, 1996.
12. *Dubar C* La socialisation. P. Armand Colin, 1996.
13. *Durand C.* (sous la direction de). Management et rationalisation: les multinationales occidentales en Europe de l'Est. De Boeck Universite. P.-Bruxelles, 1997.
14. *Francfort J., Osty F., Sainsaulieu R., Uhalde M.* Les mondes sociaux de l'entreprise. Descl'e de Brouwer, P. 1995.
15. *Frybes M.* (sous la direction de). Une nouvelle Europe centrale, CFDT, La de'couverte. P. 1998.
16. *Granovetter N.* Economic action and social structure: the problem of embeddedness // *American Journal of Sociology*, XCI, p. 481-510.
17. *Hoffman L.* L'Union e'conomique et monetaire: rationality economique ou politique? / L'Allemagne en puissance. *Bafoil F., Samson I.* Editions Descartes. P. 1992.
18. *Hollingworth J.R., Schmitter P.C., Streeck W.* Governing Capitalist Economies, Performance and Control of Economic Sectors. Oxford, OUP, 1988.
19. *Kornai J.* Du socialisme au capitalisme, l'exemple de la Hongrie. P. Gallimard, 1990.
20. *Lavigne M.* (sous la direction de). Capitalisme a l'Est, un accouchement difficile. P. Economica, 1994.
21. *Lembruch G.* Institutionstransfer im Prozess der Vereinigung: zur politischen Logik der Verwaltungsintegration in Deutschland / *Bern A., Mading H., Seibel W.* Nomos, p. 41-66, 1992.
22. *Lowit T.* Le syndicalisme de type sovietique, Armand Colin. P. 1972.
23. *Lowit T.* Le parti polymorphe en Europe de l'Est / *Revue francaise de sociologie*, 4,5, 1979.
24. *Lowit T. et N., Martin D., Mauchamp N., Rychard A., Sainsaulieu R.* (sous la direction de). Modernisation des entreprises en France et en Pologne, Les anne es 80, P. L'Harmattan, 1996.
25. *Machonin P.* Actors of social transformation and modernization and their attitudes / *Adamski W., Buncak J., Machonin P., Martin D.* System change and modernization, IF i S Publishers, Varsovie, 1999.
26. *Magnin E.* Les transformations e'conomiques en Europe de l'Est Dunod, P. 1999.
27. *March J.G., Olsen J.P.* Rediscovering institutions. The organizational basis of politics. Maxwell Mac-Millan International, NY. 1988.

28. *Martin D.* La modernisation dans la crise: de *T. Parsons* a *J. Habermas* / *Martin D.*, *Gerritsen D.* (sous la direction de), Effets et mefaits de la modernisation dans la crise, Descle'e de Brouwer, P. 1998.
29. *Martin D.* The Enterprise East and West: toward a convergence of modernizing processes / *Adamski W.*, *Buncak J.*, *Machonin P.*, *Martin D.* System change and modernization. Varsovie, 1999.
30. *Matuchniak-Krasuska A.* Exclusion et pauvrete' en Pologne / *Bafoil* (sous la direction de), Ch6mage et exclusion en Europe post-communiste: Allemagne de l'Est, Pologne. L'Harmattan, P. 1999.
31. *Mink G.*, *Szurek J.C.* Agir ou subir: les nomenklaturas polonaise et tcheque face a la grande mutation economique (1988-1993) / *Revue Comparative d'Etudes Est-Ouest*, 1994.
32. *Mink G.*, *Szurek J.C.* L'ancienne elite communiste en Europe centrale: strategies, ressources et reconstructions identitaires / *Revue francaise de sciences politiques*, vol 48, N6 1.
33. *Mohamed-Nejad R.* Approches de la transition et nature des economies post-socialistes. Les e'conomies post-socialistes: une decennie de transformations // *Revue d'Etudes comparatives Est-Ouest*, vol 30, 1999.
34. *Murrel P.* Evolution in Economics and in the Economic Reform of the Centrally Planned Economy / *C. Clague*, *R. Rausser* (ed). The emergence of market economies in Eastern Europe, Cambridge, Blackwell, 1992.
35. *North DC.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance, Cambridge. CUP. 1990, [1993, 1994].
36. *Pankow W.*, *Gaciarz B.* Transformation of Polish enterprises: principal actors, main social effects and forms of social integration / *Adamski W.*, *Buncak J.*, *Machonin P.*, *Martin D.* System change and modernization, Ifis Publishers, Varsovie, 1999.
37. *Portes R.* Economic Transformation in Central Europe: a progress report L., Centre for Economic Policy research, 1993.
38. *Przeworski A.* Democracy and the Market. Cambridge, CUP. 1991.
39. *Sainsaulieu R.* Sociologie de l'entreprise. Organisation, culture et developpement, P. FNSP, 1997.
40. *Sapir J.* Disintegration economique, transition et politiques publiques en Russie / *Delorme R.* (sous la direction de). A l'Est du nouveau: changement institutionnel et transformations economiques. L'Harmattan, collection "Pays de l'Est", P. 1996.
41. *Sgard J.* Europe de l'Est, la transition e'conomique. Flammarion, P., 1997.
42. *Spurk I.* La transition: l'Etat, la nation et les entreprises / *Durand C.* (sous la direction de). Management et rationalisation: les multinationales occidentales en Europe de l'Est, De Boeck Universite, P.-Bruxelles, 1997.
43. *Stark D.* Path Dependence and Privatization Strategies // *East Central Europe, East European Politics and Societies*, 6, 1, 1992.
44. *Stark D.*, *Bruszt.* Post-socialist Pathways. Transforming Politics and Property in East Central Europe. Cambridge, CUP, 1998.
45. *Traversaz D.* Modernization processes: structural rupture and cultural continuity? / *Adamski W.*, *Buncak J.*, *Machonin P.*, *Martin D.* System change and modernization. Ifis Publishers, Varsovie, 1999.
46. *Weber M.* Economie et socie e, Plon, P., 1970.
47. *Zapf W.* Modemisierung, Wohlfahrtentwicklung und Transformation. B., Sigma, 1994.